

Максим Горький

**Предисловие к «Ренэ»
Шатобриана и «Адольфу»
Б. Констана**

Максим Горький
Предисловие к
«Ренэ» Шатобриана и
«Адольфу» Б. Констана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22119066

Аннотация

«О каком молодом человеке XIX столетия идет речь и почему наша молодежь должна ознакомиться с его историей? Молодой человек этот – самая значительная фигура литературы XIX века. Он не исчез и в XX, он существует в наши дни, а потому вполне своевременно осветить историю его рождения, его значение в жизни, уместно подумать о том, какова его роль в стране, где строится первое в мире социалистическое государство...»

Максим Горький

Предисловие к

«Ренэ» Шатобриана и

«Адольфу» Б. Констана

О каком молодом человеке XIX столетия идет речь и почему наша молодежь должна ознакомиться с его историей?

Молодой человек этот – самая значительная фигура литературы XIX века. Он не исчез и в XX, он существует в наши дни, а потому вполне своевременно осветить историю его рождения, его значение в жизни, уместно подумать о том, какова его роль в стране, где строится первое в мире социалистическое государство.

Историческая значительность этого молодого человека утверждается тем фактом, что на протяжении почти полутора столетия лет о нем, о драмах его жизни писали книги все крупнейшие литераторы Европы и России, – писали и все еще продолжают писать. Не будет преувеличением, если скажем, что жизнь этого человека служила основной темой литературы XIX столетия. Известно, что этому столетию предшествовала трагедия французской «великой» революции и что в течение его разыгрывались драмы 30-го, 48-го и, величайшая из них, драма 71-го года. В этом веке на сцену истории

выступил новый герой пролетариат, выступил как сила, осознавшая свое историческое значение и свое право на борьбу за власть против буржуазии, которая во Франции его руками, его силой вырвала власть из рук феодального дворянства. Свершилось в XIX веке и еще не мало событий такого огромного, решающего значения, как, например, рост экспериментальной науки и рост техники.

Однако художественная литература не обратила должного внимания на бури классовых драм, на проблемы социального бытия, а предпочла посвятить исключительно мощные силы свои изображению драм личной, индивидуальной жизни. При этом следует отметить, что она не пользовалась как материалом своего творчества биографиями наиболее крупных и характерных людей эпохи. Она почти не уделила внимания своего деятелям французской революции или красочным «героям» наполеоновских войн. Казалось бы, что творческую силу романистов, их, так сказать, ремесленные симпатии должны были привлечь к себе столь яркие фигуры, как, например, граф Мирабо; или Дантон, Роберт Оуэн, Сен-Симон или Гракс Бабеф, как знаменитый революционер в области науки химик Лавуазье или не менее знаменитый физик Фарадей, выходец из рабочего класса, как Михаил Ломоносов и другие люди этого ряда, люди, которые фактом бытия и творчества своего говорили о том, какие могучие силы скрыты в темной массе трудового народа. Обойдены вниманием литераторов и такие фигуры, как сын трактирщика

Иоаким Мюрат, впоследствии король Неаполя, сын бондаря и рядовой солдат маршал Ожеро, сын рыночной торговли маршал и герцог Ней. Литературно интересен был и сам Наполеон – «последний из кондотьеров» и фабрикант «героев» в течение двух десятков лет войны. Не показаны миру литературой XIX века промышленники и банкиры во всем их отвратительном фантастическом величии.

Художники слова посвятили свое мастерство главным образом на изображение личной жизни некоего молодого человека, который не отличался особенной даровитостью ума или силой воли, – человека, в сущности, весьма «средних качеств». Чем же можно бы объяснить этот интерес литераторов эпохи разнообразных героев – интерес к молодому человеку «средних способностей»? Вероятно, только тем, что сами литераторы, несмотря на их исключительную талантливость, а в некоторых случаях даже гениальность, были социально-кровно и духовно-родственны герою, излюбленному ими.

Духовным родоначальником молодого человека, о котором идет речь, можно считать Жан-Жака Руссо – блаженно-го Августина XVIII столетия. Жил Руссо в «эпоху просвещения», в тот век, когда исследующий разум властно заявил о своем праве критики и решительно вступил в бой против хитростей католицизма, против чувства веры, против церковной мистики. Руссо был сотрудником Вольтера, д'Аламбера, Дидро по работе в знаменитой «Энциклопедии», но

он решительно поставил чувство выше разума. Он был гораздо больше католик, чем «свободный мыслитель», и в его «Рассуждении о причинах неравенства людей» основные социалистические посылки кажутся списанными у Лактанция, церковника IV столетия, а обличения, современного ему, Руссо, социального строя уступают в силе обличениям епископа Гиппонского, который тоже считал государство «греховной силой». Он не говорил вслед за Августином «Верю, потому что – невероятно», но его «Речь о науках» – речь мистика, церковника, уверенного во вреде наук. В сочинении этом сказано, что «науки выдумал один из богов – враг душевного покоя людей», – ученики Руссо назовут этого бога Дьяволом. А в практике о неравенстве людей – между прочим – дана такая оценка книгопечатания «Если взглянуть на ужасные беспорядки, которые книгопечатание уже вызвало в Европе, и если о будущем судить по распространению, которое зло получает со дня на день, то легко предвидеть, что государи не замедлят приложить столько же стараний к тому, чтоб изгнать это ужасное искусство из своих владений, сколько они раньше прилагали стараний к введению его».

Психологическое сродство Аврелия Августина, который жил в IV–V веках, и Жана Руссо, человека XVIII столетия, весьма заметно в «Исповедях», написанных тем и другим.

Руссо был прежде всего человеком верующим, а исследующим – настолько, насколько это требовалось для укрепления его чувства меры. Веровал же он, как сказано в его «Ис-

поведи», веровал он в то, что является существом совершенно исключительным, даже как-то иначе, лучше, чем все другие люди, созданные природой. Убеждение в своей личной исключительности и оригинальности внушило ему мысль, что и вообще только личность, стремясь к дальнейшему совершенствованию своих качеств, основанных на чувстве, только личность, единица, творит новые формы жизни и ведет за собой обыкновенных рядовых людей. Он успел сказать это достаточно красноречиво, с предельной ясностью; это учение и дает нам право считать Руссо первым, самым талантливым апостолом индивидуализма. Его влияние на современников было огромно и широко. Эммануил Кант, основоположник индивидуализма в философии, зачитывался его «Речью о науке». Шиллер обращался к Руссо с такими словами: «Пусть безумие руководит миром! Вернись домой к своим братьям-ангелам, от которых ты снизошел к нам». Сын прачки, а впоследствии и генерал-лейтенант русской службы и автор «Фауста» Фридрих Клингер находил, что природа открыла Руссо свои святейшие и сокровенные тайны. Особенно сильно было влияние Руссо на немецкую литературную молодежь второй половины XVIII века. Проф. М. Розанов, автор книги «Яков Ленц, поэт периода бури и натиска», устанавливает три тенденции, несомненно заимствованные у Руссо романтиками того периода: культ личности, культ чувств и культ природы. Яков Ленц, один из литераторов той поры, поучал, что подлинное знание доступ-

но только личности гения – «только гений способен проникнуть в, глубочайший смысл всех явлений и существо всех существ. Гений не нуждается в опыте, он познает силу интуиции и более истинно, более глубоко, чем обыкновенный человек познает усилиями разума».

Утверждали, что чувство всегда и строго индивидуально и, якобы, совершенно независимо от внешних впечатлений бытия, от условий эпохи, влияний класса: Вертер, герой романа Гете, говорит: «То, что я знаю и думаю, могут знать и другие, – сердце мое принадлежит только мне». «Признавалось, что голос сердца – голос божий; отдаваясь влечению сердца, человек как бы вступал в связь с таинственными силами мира. Все это весьма похоже на бред, но в это верили, как в „священную истину“».

Может быть, в мелких, экономически немощных немецких государствах, где значение личности было особенно ничтожно, буйные фантазии романтиков способствовали росту сознания собственного достоинства молодого человека той поры. Но в то же время убеждение в своей «исключительности» должно было вызвать в единице ощущение социального одиночества, должно было воспитать чувство вражды к обществу и государству, привить единице странную болезнь, – ее можно назвать социальной слепотой. Вообразив себя гением, силою, которая способна единолично разрешить все «загадки бытия» и судьбы народов, молодой человек не находил для себя места в жизни, и ему некуда было девать-

ся, кроме как «замкнуть свой дух в самом себе» и бежать в пустыню бесплодных, романтических мечтаний, в Фиваиду эгоцентризма и мистики, куда в первых веках христианства скрывались от грешного мира монахи. Точно так же, как монахи считали страдание уделом истинного христианина, Шатобриан и многие другие романтики признают страдание уделом всякой выдающейся личности.

Виконт Франсуа Шатобриан, виконт Луи Бональд, граф Жозеф де Местр и прочие реакционеры, «могильщики революции», признавали страдания уделом бытия своего не потому, что они исповедывали религию «страдающего бога» Христа, а потому, что они были осколками разбитого, осужденного класса. Вполне допустимо, что они, аристократы, действительно страдали, создавая «идеологию» для лавочников, для людей, которые отрубили головы их королю и сотням людей их класса. Но вместе с ними и в том же направлении уже работали дети лавочников, как, например. Белланш, сын книготорговца, и другие молодые люди буржуазии, люди, напуганные революцией и вождем ее критическим разумом «века просвещения». Критика уже мешала строительству государства лавочников, железного прессы для выжимания золота из крови и плоти трудового народа. Нужно было погасить, стереть провозглашенные революцией лозунги «свободы, равенства, братства», и этому делу ничто ее могло послужить лучше, чем служила идеология церкви.

Но всякая религия – а христианская особенно, – усердие

заботясь о том, чтоб трудовой народ покорно подчинялся воле командующего меньшинства, чтобы раб считал владыку «властью от бога», – всякая религия неизбежно должна воспитывать владык, и все религии так или иначе принуждены утверждать значение личности, единицы, ставить ее против массы как монарха, пророка, вождя, героя, в конечном счете как «спасителя».

По закону диалектики это учение, внедренное в практику жизни, должно было обратиться в свою противоположность, оно и обратилось: XIX век, век неограниченной власти буржуа, стал веком развития анархизма. Железный пресс буржуазного государства не щадил и своих детей, а многие из них, воображая себя достойными высоких позиций, не находили места в жизни иного, чем должность приказчика в лавочке или служащего в конторе, а Шатобрианы учили их: «Человек должен стремиться только к личной независимости». Будем смеяться над воплями толпы и довольствоваться сознанием, что, пока мы не вернемся к жизни дикарей, мы всегда будем «рабами того или другого человека», говорил Шатобриан. Другой последователь Руссо, Синаккур, заставляет героя своего романа «Оберман» сказать. «Я блуждаю среди толпы, как человек, который неожиданно оглох». «Это – искусственная глухота, ее воспитало полное презрение ко всем человеческим затеям», – как вполне правильно указал де ла Барт в его лекциях о «Литературном движении на Западе первой трети XIX столетия». Этой соци-

альной глухотой и слепотой страдали весьма многие из героев русской литературы, и главнейшие мысли «исключительных» людей были прекрасно знакомы человеку, изображенному Достоевским в «Записках из подполья». Презрение к жизни «толпы» и желание бежать от действительности тоже дошло до наших «исключительных», и в 1905 году, когда наша «толпа», движимая сознанием своего права борьбы против класса грабителей ее труда, мощно пошевелилась, Валерий Брюсов, несколько смущенный ее «чугунным топотом», пропел:

А мы, мудрецы и поэты.
Хранители тайны к веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, пустыни, пещеры.

Эгоцентризм Шатобриана и предшественников его – немецких романтиков XVIII века – с предельной полнотой и ясностью изобразит и 1845 году духовный сын Руссо – Макс Штирнер в книге «Единственный и его собственность». Можно сказать, что с начала XIX века на теле буржуазии появилась некая – сперва не очень болезненная – опухоль, стало разрастаться нечто вроде «дикого мяса». Постепенно разрастаясь, оно начало действовать разрушительно. Но снова, как в XVIII веке, разрушая понемногу церковные, консервативные и вообще ограничительные идеи буржуазного общества, «исключительные личности» эти, «лишние

люди» буржуазии, все-таки в огромном большинстве были и остались ее кровными детьми. И создав и в области литературы не мало поучительного, исторически неоспоримо ценного, подробно изобразив и «душу», и быт своих отцов, они с полной, исчерпывающей ясностью показали нам творческое бессилие буржуазии и рассказали весь драматический процесс постепенного банкротства индивидуализма, – процесс, который возник почти на другой день после победы буржуа над феодалом и так отвратительно заканчивается в наши дни.

Бессмысленная жадность к наживе, притупив интеллектуальные способности буржуазии, сделала ее близорукой и отвратительно консервативной. Стремясь к наслаждениям чувственным и быстро растрачивая силы на этом пути, буржуазия XIX века в массе своей являет картину истощения интеллектуальной энергии. В XVIII веке она была умней, энергичней, талантливей, тогда она умела ценить своих Вольтеров – разрушителей идеологических основ феодального строя. В XIX веке ее дети начали разрушать основы ее строя, ее быта. Очень характерно, что XIX век в литературе многократно восстановил и разработал средневековую церковную легенду о человеке, который в жажде славы и наслаждений продал душу свою дьяволу. Легенду эту обрабатывали Гете, Клинггер, Ленуа, Поль Мюссе в романе «Пан Твардовский», приписываемом Крашевскому (она у нас выдержала бесконечное количество «лубочных» изданий). На-

стоящим героем этой легенды является, в сущности, не Фауст, а Дьявол, символ того самого разума, работа которого в XVIII веке разрушила церковно-феодалную идеологию государства дворян. Во всех «Фаустах» рассказывается, что из договора, из союза с Дьяволом-разумом человек никакой пользы для себя не извлек, а только преждевременно попал в ад. Это совершенно верно, если адом считать жизнь, так бессмысленно устроенную мещанством Европы и Америки.

Если читать Руссо, Канта, Фихте, Шеллинга, Томаса Карлейля, Маколея, Макса Штирнера, Прудона, Бакунина, Кропоткина, Фридриха Ницше, Лаврова, Михайловского, Константина Леонтьева, – если читать только этих авторов из десятков созвучных им, мы получим впечатление очень мощного хора, который непрерывно и на весь мир поет гимн личности, гимн индивидуализму. Десятки крупнейших мыслителей XIX столетия посвятили таланты свои делу вооружения личности на борьбу за ее «счастье», за ее благосостояние, ее «приоритет» главенство в жизни, в истории. Буржуазия строила паскудное царство свое на жесточайшей конкуренции, ей требовались крепкие, беззастенчивые люди. Не помню, кто, Трейчке или Момзен, сказал: «Немец должен быть самым сильным человеком Европы». Это мог сказать любой из них, это говорил Бисмарк и полоумный Вильгельм II, этого, кажется, не говорили так просто англичане и французы, но и они, как вся буржуазия Европы, стремились воспитать «сильных», крепких людей. К тому же – пошевели-

лась «толпа», и для нее требовались «герои», вожди. Их тоже нужно было воспитать так, чтоб они не отвели «толпу» куда-нибудь влево с той дороги, по которой шла буржуазия.

«Героя я ищу... не странно ль это, когда у нас, что месяц, то герой», – иронически восклицал в 1821 году Байрон, один из величайших «лишних людей» начала XIX века. Байрон иронизировал, а виконт де Бональд мрачно ворчал: «Вспоминаешь слова папы Пия VII: „У нас каждый холоп может стать королем“». Бональд, один из могильщиков революции, проповедывал «закон троичности», выдуманный им. По этому закону бог – причина, мир – следствие, Христос – орудие, посредине между богом и миром; в человеке душа – причина, члены – орудие, следствие – воспроизведение жизни. Бональд соглашался с Руссо в том, что человечество пошло по неверному пути и что вся культура нового времени – культура ложная. Все научные открытия, изобретения или никому не нужны, или прямо вредны, а все, что нужно человеку, открыто ему учением церкви. Кроме Бональда такие же реакционные идеи проповедывали роялист Балланш, граф Жозеф де Местр и многие другие, – для всех них очень характерно отрицательное отношение к науке, к технике, отношению, которое начинает возрождаться в мозгах буржуазных «мыслителей» наших дней.

Слова папы Пия VII Бональд вспомнил в годы наполеоновских войн, когда дети трактирщиков, бондарей, торговков, прачек становились королями, герцогами, генералами, а

подлинными королями уже начинали служить приказчиками, холопами буржуазия; в парламентах заседали, «управляя судьбами народов», лавочники, адвокаты, авантюристы. «Управление судьбами народов» сводилось к придумыванию «нациями» планов взаимного ограбления и методов наиболее суровой эксплуатации труда рабочих масс.

Выше было указано, что литература XIX века не заметила столь решительного перемещения фигур, не остановила своего внимания на выходцах из массы, не признала их героями, достаточно интересными для романов. Случилось так, что литераторы, как будто заболев социальной глухотой, о которой говорил Оберман, не слышали гимна герою, гимна, который должен был воспитать героев. Они обратили свое внимание на молодого человека средних качеств и в продолжение целого столетия изображали под разными именами и фамилиями все одно и то же лицо. Они так часто писали портреты его, что он, повторенный сотни раз, уверовал в «неповторимость личности». Разумеется, Чацкий, герои Байрона, «Сын века» Альфреда Мюссэ и Печорин внешне не очень похожи на таких увальней, как Обломов, Нехлюдов, Оберман, Адольф, но все же они – дети одной матери. Жюльен Сорель, Раскольников и Грелу – их родные братья, но, разумеется, смелее и активнее; эти трое, проверяя «исключительность» свою, не останавливались и пред убийствами. Старшие братья Карамазовы имели духовных братьев своих среди немецкой молодежи XVIII века, и если б Карамазовы

зов-отец внимательно прочитал пьесы Шиллера «Дон Карлос», «Разбойники», – дети были бы более понятны ему. Общее и неоспоримое, что роднит почти всех героев европейской и русской литературы XIX века, это – кроме их социальной слепоты и глухоты – пристрастие к бесплодным размышлениям в условиях полного безделья. Западные поклонники и последователи Руссо, воображая, что они живут чувством, погибали, отравленные мыслью, сила которой тратилась ими на исследование таинственных глубин их собственного «я». «Познание непознаваемого» – точнее: непознанного – одно из очень милых развлечений, но практические результаты оно, может быть, даст только тогда, когда это будет не развлечением единиц, а серьезным делом многих тысяч людей. Как все на свете, даже мыльный пузырь заслуживает изучения, но бесполезно писать биографию человека, который существует еще только в стадии зародыша. Индивидуалисты – на горе свое существуют, но гармоническая индивидуальность возможна будет лишь тогда, когда интеллектуальное и эмоциональное развитие личности не будет ограничиваться, искажаться идеями нации, класса, церкви, условиями непрерывной и беспощадной борьбы всех со всеми, волчьими условиями жизни современных рабов капиталистического строя.

Известно, что Россия эпохи царствования династия Романовых была, как всякое буржуазное, классовое государство, построена до типу зоопарка. В государстве классовом –

повторяю еще раз – человек живет в напряженном состоянии непрерывной заботы о личной самозащите от ближайших своих, в постоянном стремлении к самовооружению, к защите деньгами, в заботе об охране занятого места, в желании сменить его на другое, более высокое, к натачиванию охраняющих «права личности» идеек и штыков, в заострении индивидуализма.

В России люди были еще крепче заперты в тесные клетки «сословности». Крестьянство, «фабричные» мещане, купцы, духовенство, чиновники, дворяне были так же, как всюду в мире, разьединены ограничительными идеями класса, племени, религии, сектантства, и сверх того учение церкви отравляло, разрывало их идеями «православия» и самодержавия – безответственной, неограниченной, «от бога данной» власти царя над народом. Народ был совершенно лишен каких-либо прав, кроме права взаимного пожирания, и лишен всяких свобод, кроме свободы взаимного грабежа. «Картина жизни» этого народа очень ярко написана историком Ключевским, но гораздо более правильно М. Н. Покровским. Очень много дал для понимания жизни трудового народа сын дьячка и крестьянки профессор Афанасий Шапов, один из замечательных «лишних людей» буржуазии; его честность и талантливость послужили для царской власти поводом сослать его в Сибирь, где он 46 лет от роду и погиб в нищете. Он, в сущности, первый ясно и твердо поставил вопрос о месте и значении трудового народа в истории Рос-

сии. Он говорил: «Когда я изучил историю Устрялова и Карамзина, мне показалось странным: почему в история этой нет истории масс, истории так называемого простого, черного народа? Разве это огромное большинство не имело значения для развития нашей страны? Но во взглядах Щапова было нечто от церковной догматики, и на этот недостаток его мирозерцания правильно указал другой „лишний“ и тоже преждевременно погибший человек Н. А. Добролюбов. Очень трудно перечислить количество „лишних людей“, которые родились в среде русского дворянства и мещанства и которых дворяне, мещане вытеснили, выдавили из своей среды, а самодержавие уничтожило. Разумеется, люди эти, несмотря на их радикализм, а иногда и социализм, были не свободны от вековых влияний ограничительных, классовых идей, которые на протяжении всей истории трудового человечества задерживали в нем рост сознания единства своих политико-экономических интересов, задерживали правильное развитие общечеловеческой культуры, основанной на непрерывном труде масс и непрерывном творчестве буржуазии за счет плоти, крови и талантов „простого, черного народа“».

Буржуазный, мещанский индивидуализм – стремление личности к самообороне против всестороннего гнета анархического классового государства, основанного на конкуренции, на борьбе единиц за удобное, командующее место в жизни. Индивидуализм, вызванный к жизни классовым

строем, не может не ограничивать свободное, всестороннее развитие личности, не может создать ту индивидуальность, которая неизбежно родится в социалистическом государстве равных. На войне нет времени чистить ногти и по этой же причине невозможно заниматься делом «самосовершенствования» там, где все силы единицы тратятся на самозащиту.

Русская интеллигенция росла и развивалась в условиях совершенно зверских, это неоспоримо. Европейская буржуазия не угнетала, не оскорбляла своих интеллигентов так гнусно и грубо, как самодержавная власть Романовых и полудикий русский буржуа. Русская интеллигенция имеет право гордиться обилием и разнообразием своих талантов, она может сказать, что была самой свободомыслящей силой XIX века.

И все же клеймо классовой психологии, глубокая татуировка зоологического, мещанского индивидуализма настолько глубоко въелась в плоть ее, что она оказалась органически неспособной понять всемирное значение Октябрьской революции, органически враждебной революционному социализму Ленина. Бывшая защитница «прав народа», она пыталась продать свою страну, свой народ буржуазии Европы, она способствовала истреблению сотен тысяч рабочих и крестьян в гражданской войне.

И вот теперь мы видим, как она, в эмиграции, озверела, отупела, позорит себя гнусной клеветой на свой народ, воеет

волчьим воем, призывая на голову его все беды и напасти, все «казни египетские». Едва ли в истории человечества найдется поведение более позорное, чем поведение «интеллигентов» русских, обитающих в Праге, Париже и других грязных гнездах европейской буржуазии.

Вероучители победоносного мещанства с начала и на протяжении всего XIX века стали воспевать индивидуализм, воспитывать сильных крепких людей, но в то же время XIX век – век мощного развития науки, техники, промышленности, торговли деньгами, век бесчеловечной цинической эксплуатации белых и цветных рабочих всей земли – этот век был веком широчайшего развития пессимизма, учения о бессмысленности жизни. В философии он дал столь ярких выразителей его, как Шопенгауэр, Гартман, Леопарди, в поэзии – Байрона, Ленау, Мюссэ, Лермонтова, Бодлера, Сологуба, – называю только самых крупных выразителей пессимизма. Это настроение безнадежности не чуждо было Гете в «Фаусте», Шиллеру в «Дон Карлосе» и «Валленштейне». В прозе пессимизм тоже имел десятки талантливейших выразителей.

Все указанные здесь противоречия, вся путаница умозрительных размышлений, все социально-экономические причины вырождения и банкротства мещанского индивидуализма будут сказаны в предисловиях к томам «Истории молодого человека XIX столетия». Вероятно, уже нет надобности говорить о том, почему наша молодежь должна ознакомиться-

ся с этой историей. Но все-таки намекну в нескольких словах – почему именно. Не говоря о том, что в каждом из нас все еще живет ветхий Адам мещанства и в каждом есть – более или менее – тяга к устройству личного благополучия за счет чужой силы, то есть воспитанный веками волчий индивидуализм еще не издох, – в наших современных условиях реконструктивного периода существуют кое-какие возможности развития индивидуализма. Это надобно знать и твердо помнить. Пролетарская рабочая молодежь, так героически строящая первое в мире государство социалистов, государство, где личности будет предоставлена полная свобода развития всех ее качеств, – пролетарская рабочая молодежь должна хорошо понять различие между необходимостью воспитания новой социалистической индивидуальности и уродующим человека животным, звериным индивидуализмом мещан. Она должна следить, чтоб на ее здоровом, мощном теле не разрослось то дикое мясо, вернее та раковая опухоль, которая обессилила, вызвала внутреннее загнивание мещанского мира и окончательно разлагает его. Молодежи нашей следует понять очень простую вещь: дети должны быть умнее, сильнее своих отцов, они будут такими, если хорошо ознакомятся с ошибками прошлого и глубоко освоят все лучшее, жизнеполезное, что придумано отцами, начато ими, что исторически, идеологически неизбежно истекает из их сурового революционного опыта.

Наступил момент, когда и слепым, и глухим должно быть

совершенно ясно, что безответственная кучка грабителей чужого труда, организация паразитов человечества грозит разрушить культуру, которая создавалась не только физическим трудом рабочих, но и талантливейшими выдвиженцами рабочей массы во все области творчества. В наше время можно не вспоминать о Фарадеях и Ломоносовых как счастливых исключениях – пролетариат Союза советов эти исключения делает обычными. Буржуазия, все более анархизируя рабочих Европы и Америки, провокаторски вызывает то там, то тут стихийные взрывы неорганизованных сил. Вожди социал-демократии превратились под влиянием всемерного мещанства в цепных и комнатных собак его. Единственной силой, способной организовать классовое революционное сознание пролетариев всех стран, является III Интернационал. Рабочий класс Союза советов – его передовой отряд и по праву первого, одержавшего победу над грабителями мира, должен быть и является учителем миллионов своих братьев по классу, по духу.

Но плох тот учитель, который не учится или учится мало. Нет оружия более острого, чем знание, основанное на трудовых процессах, на изучении прошлого человечества. Прошлое враждебно нам, но для того, чтобы смертельно бить врага, необходимо хорошо знать врага. 1932 г.